

ПРОВИНЦИЯ — КАК УГАРНАЯ БАНЯ, МОЖНО ОТРАВИТЬСЯ И НЕ ЗАМЕТИТЬ

Встр. Клуб.
-2001.-
10 авг. - с. 9

— Сибирь кормит страну, дает газ, нефть, уголь, хлеб. Но до провинциальных писателей никому нет дела. Москва отделилась от нас, стала государством в государстве. Вот поэтому меня потянуло собрать наши литературные силы, поговорить о жизни, о литературе, о проблемах нашего времени. И сбить с ребят маленько провинциальную штукатурку. Не хотелось, чтобы они совсем уж замшели в своих медвежьих углях и говорили, что вот раньше хорошо было, а сейчас стало совсем плохо. Возникла идея провести «Литературные встречи в русской провинции», в Красноярском крае. На первых таких чтениях в 1996 году ребята обнимались и плакали — многие не видели друг друга лет по десять и даже не знали, кто жив, а кто нет.

— **Тогдашний главный редактор «Огонька» назвал вас в те дни духовным лидером державы. Как вы относитесь к высоким словам в свой адрес?**

— Мне всегда неловко, когда такие слова говорят. Так и хочется крикнуть: «Люди! Пощадите! Ведь я живой человек!». Никогда я не высовывался, нигде себя не хвалил. А вот возьмут и припекают: «патриа-а-арх», «кла-а-ас-сик»... И че хочешь, то и делай. Помню, приехал с группой гостей в Красноярск. Экскурсовод им талдычит: «Это «столбы» (скалы, похожие на скульптуры), а это Астафьев, классик наш». Перечень достопримечательностей у нее небольшой, в нем всего четыре пункта, и в том числе я. Провинция любит хвалиться, она больная в этом смысле... Хотите меня славословить — пожалуйста. Но, ради Бога, без меня! Кто-то из читателей возьмет мою книжку, а она — тридцать авторских листов, стерва. За то время, пока он будет ее читать, он мог бы прочитать повести Белкина и всю Болдинскую опись.

— **Любите Пушкина?**

— Я к Пушкину отношусь с трепетом. Как все легко берутся писать о нем! Запросто пишут. А у меня много лет крутится в голове рассказ о Пушкине, и никак его не напишу. Давно и мельком я прочитал где-то, как на Кавказе умирающий офицер узнал, что у графа Ермолова находится Александр Сергеевич, и попросил: «Ваше сиятельство, отпустите Пушкина ко мне на пять минут». И поэт перекрестил умирающего, а тот пытался ему руку поцеловать: вот, Господь сподобил увидеть Пушкина... Об этом я и хотел написать рассказ. Начал, как Пушкин едет на коне, под копытами щелкают камни, хрустит пересохшая трава... Смотрю: уже пять страниц написал, а рассказ еще не начался. Мамочки!..

— **Вы однажды сказали, что провинция — как угарная баня, можно отравиться и не заметить.**

— Да. Чтобы этого не произошло, в провинции все время надо себя спасать. Как только тебе начинает нравиться местный футбол, местный театр, местная музыка, местная поэзия, не давай себе погрузиться во все это. А то ведь оно тебя словно гипсом обкладывает со всех сторон. Много красного патриотизма, который не дает поднять местную культуру на более высокий уровень. Тем не менее, что-то у нас шевелится. В Барнауле выходит «Вечерний Барнаул», там печатается литература. На родине Шукшина проходят Шукшинские чтения. В Иркутске проводятся Славянские чтения. Надо расшевелить Омск, Тюмень. Города богатые, и хочется, чтобы там культура не захирела.

— **Сейчас, как и раньше, главная проблема для большинства литераторов — издать книжку?**

— Издают сейчас не меньше, чем в советские времена, а по количеству названий, наверное, даже больше. Но тиражи стали маленькие. Вчера один товарищ подарил мне свою книжку, тираж — 150 экземпляров. Другой прислал книжку из Москвы — 25 экземпляров. Это уж совсем для домашнего пользования. Сейчас тысяча экземпляров и для прозы, и для поэзии считается неплохим тиражом, а уж сто тысяч, как раньше, это у раскрученных фразеров, фантастов и детективщиков. Вот мне и приходится на старости штанами трясти, собирать «Литературные встречи», чтобы вместе подумать — может быть, сможем создать сибирское межрегиональное издательство. А то дожили до того, что в соседней области уже не знают, какие книги вышли здесь, у нас. Система распространения книг разрушена.

— **Как вам удается находить деньги для проведения «литературных встреч»?**

— В первый раз я выпросил деньги у Ельцина, можно сказать, под сурдинку: он был у меня в гостях тут, в Овсянке, плясал, пел «что стоишь, качаясь, тонкая рябина». Я и сказал: дай денег. Он велел включить наши «чтения» в Федеральную программу, и нам дали денег не только на «чтения», но еще и на мой 15-томник. Во второй раз я попросил помочь одного очень известного коммерсанта. Он денежки считать умеет: посадил везде своих людей, и они учитывали каждый рубль. Но побочных расходов не признавали, а их очень, очень много. Все наши отделы культуры, которые занимались подготовкой и проведением праздника, по моему, понесли убытки.

— **Виктор Петрович, сколько лет прошло после войны, а вы в романе «Прокляты и убиты» снова к ней вернулись. Как вам работалось — это был взгляд издалика или вы заново все переживали?**

— Переживал, даже инфаркт получил. А к нему еще привязался диабет. И со слухом и зрением у меня плохо стало. Я после этого вообще ничего писать не мог. Написал несколько «затесей», и все. Потом лето у нас плохое было, а плохая погода способствует литературе. И я сидел в деревне и написал шесть рассказов и много-много «затесей».

— **У вас в собрании сочинений два тома писем. Это редкость в наше время.**

— Эпистолярный жанр — это замечательно! Читаешь письма Пушкина, и будто беседуешь с ним. Я даже интонацию его слышу: она у него бегучая, юношеская. Говорок быстрый такой... Сейчас переписку заменяет телефон. Издатели даже договор на книжку, и то норовят заключить по телефону. А я по старинке все еще пытаюсь писать письма, отвечать на письма. Правда, на плохие уже не отвечаю, только на хорошие.

— **И только от руки?**

— Некоторые писатели, я знаю, пишут на компьютере, чтобы остались копии для истории. А я умею только ручку в чернильницу макать. Отправлю письмо — и хрен с ним, где оно там есть. Мне говорят: «Ты че делаешь, у тебя же копий не остается!». Ну и пусть не остается, и без них бумаги полно. Я на свою бабу ругаюсь, что бумага-то в доме кругом полно, и я ничего найти не могу. Психую. Потом, смотришь, найдется само.

— **Юрий Нагибин как-то сказал, что писателями вы с ним стали «по причине фронтовой контузии».**

— Ну, это он, конечно, полушуткой сказал... Я потом ему, пьяному, говорю: ты че, Юр, всерьез это, что ли? А он: «Вс-сэрзез... всэрзез...» Ну и попробуй пойми у него, всерьез или в шутку. Конечно, доля правды тут есть.

— **Пока не переживешь ударов судьбы, не состоишься как писатель?**

— Лучше не переживать их. Тургенев напереживал таких ударов из-за какой-то странной двойной любви. Благополучнейший человек был — нет вот, надо было ему пополам с французом шпарить эту Виардо!

— **Я вижу, телевизора у вас в Овсянке нет.**

— И радио сейчас нет. Но я и по нему не тоскую. Я привык работать разом и помногу, но силенок уже мало. Если еще посмотреть футбол до трех часов ночи, а потом спать до часу дня... Да

мне тут и не дадут спать, утром обязательно разбудят.

— **А круг общения...**

— Очень узкий. Я мало общаюсь тут с нашими деревенскими.

— **Тем не менее, к вам приезжают издалика, просят интервью, дарят книжки...**

— Да. Некоторые через забор лезут, если ворота заперты. Бывает, что и бродяги какие-то. Один раз сижу поздно вечером, пишу чего-то, пером скриплю. И вдруг во дворе страшный шум и грохот! Ну, думаю, все, конец мне, большевики идут меня убивать, забор повалили... А оказалось, это поленница дров у ворот обрушилась.

— **А кедры во дворе вы сами сажали?**

— Да. Садил одиннадцать, но выжило только два. Капризное дерево. Ему, стервецу, надо, чтобы песок был, галька, а у нас почва кислая, черная. Я потом догадался золы всыпать им в корм и хоть два кедра спас. Они уже третий год плодоносят. Тут еще растут у меня две лиственницы, пихта, рябины, елки. Тетка моя говорит: «Доучился, дурак. Садит елки, на которых ниче не растет».

— **В предисловии к своему 15-томнику вы писали, что в тридцать-сорок лет приближались к тому самосознанию, которое ваши литературные прадеды — Пушкин, Достоевский, Лермонтов, Толстой — «прошли» в детстве... Тяжело было пробиваться из деревни, из интерната?**

— Ну, конечно, тяжело... Я был в Тарханах, посмотрел, как Лермонтов воспитывался. Где же нам равняться с ним? Он в семь лет уже гениально рисовал и начал слагать стихи. Сейчас ребяташки тоже много чего знают. В нашей деревенской школе проходила викторина. Там половина дебилов, ну, куда их девать? С ними учителя мучаются. Но те ребяташки, которых отобрали на викторину, очень развитые. У них телевизор, радио, книги и газеты. По литературе частят — дай Бог! Но они не знают того, что мы знали — о лесе, о воде, о природе.

— **А природа влияет на творчество?**

— Еще бы. Один вологодский писатель, которого возили по Сибири как почетного гостя, ехал, значит, в Дивногорск, и ему сказали: «Проезжаем деревню Овсянка, где родился и живет Астафьев». Гость заорал: «Где?! Где Овсянка?! А ну-ка, заверните туда!». Завернули. Он вышел на берег Енисея, постоял, постоял и воскликнул: «О! Ё... мать! Тут хочешь, не хочешь — так писателем станешь». Ага!

Беседовала
Нина КРАСНОВА